

© С.Н. Абашин. Рец. на: *Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.* / В.И. Дятлов (науч. ред.). Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

Книга, которую я хочу представить, – коллективный труд почти трех десятков ученых из Иркутска, Томска, Улан-Удэ, Хабаровска, Санкт-Петербурга, Барнаула, Благовещенска, Омска, Москвы, Владивостока, а также Усть-Каменогорска и Познани. Число авторов соответствует и масштаб замысла, состоящий в том, чтобы показать миграцию и формирование переселенческих сообществ как процессы, которые имеют не сиюминутный, ограниченный в пространстве и времени, а длительный, укорененный в истории характер. Для решения этой задачи группа исследователей избирает в качестве объекта для изучения обширный регион, который назван ими “Восток России” и включает в себя Западную и Восточную Сибирь (захватывая Северо-Восточный Казахстан и Монголию), а также Дальний Восток. Тот факт, что основное население этого региона сложилось в результате сравнительно недавних миграций, позволяет взглянуть на последние не с точки зрения взаимодействия “коренных” жителей и “приезжих”, а увидеть постоянное наслаивание миграционных потоков друг на друга, их столкновения и пересечения, когда значение понятий “туземец” и “переселенец/мигрант” переосмысливается и всегда остается

Сергей Николаевич Абашин – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: s-abashin@mail.ru

ся неопределенным. В соответствии с этой рамкой структура монографии представляет собой сравнительное, параллельное изучение ситуаций на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв.

Впрочем, непомерный объем материала и разные дисциплинарные/концептуальные предпочтения заставили авторов и составителей книги отказаться от строго-хронологического подхода к изложению (в том числе исключить из рассмотрения советский период), а сосредоточиться на проблемно-тематических блоках. Причем эти блоки создавались как из обобщающих разделов, так и из изучения отдельных случаев и примеров. “Это спорный, но осознанный выбор, – написано в предисловии, – в котором мы видим не только несомненные возможности, но и не менее очевидные ограничения” (с. 12).

Первая глава “Колонизация Азиатской России позднеимперского периода в геополитическом и национальном измерениях” ([А.В. Ремнёв], Н.Г. Суворова) посвящена вопросу, как колонизация Сибири (т.е. Востока России) в XIX – начале XX в. сопровождалась переосмыслением категории “русская земля”. “Заселение и освоение азиатских окраин русскими стало частью формирующегося национального дискурса” (с. 21). В этот дискурс входило две цели: с одной стороны, скрепить из разнородных по происхождению, культуре, хозяйственным привычкам и социальному статусу переселенческих групп и сообществ консолидированный “русский народ”, укрепить “русское ядро” и “островки русского мира”, а с другой – добиться преодоления отсталости подчиненных “азиатских народов”, добиться их лояльности и предотвратить угрозы извне, будь то “желтая опасность” или новое “монгольское нашествие”. В главе рассматривается, какие дебаты и события разворачивались вокруг этих целей, каким образом сибирскость включалась в русскость и исключалась из нее.

Вторая глава “Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке” (Л.Е. Бляхер, К.В. Григоричев) продолжает разговор о восприятии миграции, но теперь уже в постсоветском контексте. Ее авторы обращают внимание на то, в частности, что специфическое “сибирское” отношение к мигрантам отличается от того, как эта тема проблематизируется и обсуждается в Европейской части России. Относительная бедность и слабая заселенность региона, при этом близость к развитым и быстро развивающимся странам Восточной Азии делает мигрантофобию неактуальной, латентной, незаметной в повседневной жизни, хотя она и “остаётся в сигналах, транслируемых в центр, поскольку их ждут” (с. 166). Возникает ситуация, когда миграционная политика, “выступая номинально репрессивной, оказывается на деле достаточно либеральной” (с. 168), возникает “ряд драматичных противоречий между интересами федеральной и региональной властей, характером и методами регулирования миграционных процессов и интересами регионального бизнеса, между задачами региональной власти, федеральных ведомств и органов местного самоуправления. В отсутствие легитимного выхода из этих противоречий миграционная политика на уровне регионов формируется как система формальных (правоприменительных) и, главным образом, неформальных практик региональной власти, ведомств... муниципалитетов, бизнес-структур” (с. 172–173).

Третья глава “Mobilis in mobile: миграция в меняющемся пространстве” (К.В. Григоричев, А.Н. Алексеенко, А.С. Бреславский, Ю.М. Гончаров) обращается к пространству как среде, которая “с одной стороны, задает параметры, условия взаимодействия мигрантов и принимающего населения, а с другой – сама изменяется под воздействием миграции, что, в свою очередь, вновь изменяет условия протекания этих процессов” (с. 184). В центре этой главы оказывается миграция между городом и селом, в качестве “кейсов” рассматриваются города северного Казахстана, Улан-Удэ и Иркутск. Авторы интересуются, каким образом в одних случаях сельские практики приживаются в городской среде, а в других – городские практики образуют пригородные фронтиры. Такое взаимодействие, по их наблюдениям, создает более сложную конфигурацию отношений, нежели “мигранты / принимающее общество”; “кратно умножаются и усложняются адаптационные процессы, которые из привычных двусторонних становятся многовекторными. Следствием такого усложнения становится быстрое расширение механизмов и практик взаимодействия, вариантов взаимной включенности в экономическую, социальную жизнь, шире – повседневность” (с. 210)

Четвертая глава “Неформальные хозяйственные практики мигрантов на российском Дальнем Востоке” (Н.П. Рыжова, Т.Н. Сорокина, Т.Н. Журавская, Т.З. Позняк, Н.Ж. Иванова, Е.Л. Ли, Е.О. Скрипник) рассказывает о мигрантской экономике. Раздел начинается с экскурса в историю хозяйственной деятельности китайцев в Приамурье на рубеже XIX–XX вв. и попыток российской власти взять ее под контроль. Остальные части главы посвящены неформальным экономическим связям с Китаем в постсоветский период. Один из выводов такого сравнитель-

ного анализа гласит, что «мигранты “уходят в тень” из-за частых и резких изменений российских формальных правил» (с. 320).

В пятой главе “Переселенческие этнические группы в Сибири: диаспорные институты, стратегии и практики” (И.В. Нам, Ю.М. Гончаров, С.А. Мулина, А.А. Крих, Г.Н. Алишина, Е.И. Нестерова, В.Ю. Рабинович, Т.Б. Смирнова, В.И. Дятлов) история мигрантских сообществ на Востоке России рассматривается сквозь призму понятия “диаспора”, т.е. как история национальных меньшинств, оказавшихся на чужбине и стремящихся сохранить свою конфессиональную и этническую идентичности. Изучая примеры евреев, поляков, немцев, корейцев, китайцев, авторы показывают, каким образом еще в XIX и в начале XX в. происходила их “этническая консолидация”, “изменение содержания, форм и масштабов общественной жизнедеятельности”, а вместе с тем и ассимиляция, русификация и “осибирачивание”. В этой главе говорится также о советских «экспериментах с социальной инженерией, с созданием и пересозданием “национальностей”», которые ускорили процессы диаспоростроительства.

Шестая глава «“Сибирь – территория Согласия”? Стереотип мигранта и мигрантофобия» (В.И. Дятлов, С.А. Мулина, Г.Н. Алишина, В.Ю. Рабинович, Е.В. Дятлова, С.В. Трофименко, Я.С. Гузей, Л.Е. Бляхер, М.Н. Ковальская) исследует реакции принимающего общества на присутствие мигрантов, возникающие мифы и стереотипы, модели отношений, а также используются темы миграции в идеологической мобилизации и борьбе за власть. В главе анализируются образ поляка, германофобия и антисемитизм в позднеимперской Сибири, образ китайского купца в Монголии и антикитайские настроения в дореволюционной и современной России, советская и постсоветская кавказофобия и современный образ таджика, или выходца из Средней Азии. Авторы отмечают специфические черты сибирского общества, для которого миграция и культурное смешение были нормой, а также способы включения сибирской специфики в общеимперский, общесоветский и общероссийский контексты, где фобии и категоризации “своих/чужих” часто транслировались из центра на окраины.

Седьмая глава «“Соотечественники за рубежом”: ресурс, инструмент, вызов?» (Н.Г. Галеткина, К.В. Григоричев, И.Т. Абдулова, А.Н. Алексеенко, М.Н. Балдано, В.И. Дятлов, М.В. Теплоухова, И.О. Пешков) к изучению мигрантов и принимающего общества добавляет “третью сторону” – страны исхода и их жителей, которые являются или могут стать потенциальными мигрантами. В частности, рассматривается “Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом”, ее идеология и результаты применения. В главе также рассказывается об аналогичной программе этнической репатриации “оралманов” в Казахстане, о группе шэнхэнских бурят и русской диаспоре в Китае, об опыте переселения в Приморье старообрядцев из Латинской Америки, о новейшей истории польского населения д. Вершина в Иркутской обл. Такой набор примеров неизбежно приводит к выводу о том, что «феномен, обозначенный... как “соотечественники за рубежом”, имеет многомерный характер» (с. 606).

Рецензируемая работа не является, строго говоря, монографией, которая со всей необходимой полнотой и дотошностью показала бы миграционные процессы на “Востоке России”. В ней нет, например, исчерпывающей статистики, полного охвата территории, выявления общих циклов и закономерностей. Эта задача оказалась непосильной и вряд ли реализуемой, поэтому текст книги распался на отдельные темы, проблемы и “кейсы”, которые не всегда легко стыкуются и объединяются в какую-то общую теоретическую рамку. Однако данную работу нельзя назвать сборником статей, так как редакторы и авторы проделали большой путь взаимной притирки своих интересов и предпочтений. Это во многом является заслугой научного редактора В.И. Дятлова; его перу принадлежат, в частности, уже упомянутое введение и заключение, в которых предпринята попытка осмыслить весь собранный и написанный материал, найти точки соприкосновения разных сюжетов, выделить ключевые, сквозные вопросы (аналогичные функции выполняют также вводные и заключительные замечания в каждой главе). Причем, добавлю, для сближения своих позиций авторы выбрали концептуальный язык, противоположный позитивистскому тотальному обобщению. В предисловии говорится, в частности, о “сложнейшем процессе синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев”, в рамках которого происходило укоренение, “осибирачивание”, принятие новых культурных и социальных практик и трансформация старых. Важна и другая оговорка – о “гетерогенности аборигенного населения, огромном разнообразии его типов, так и не меньшем разнообразии населения пришлого” (с. 7). Смысл и пафос такого рода замечаний состоит, на мой взгляд, как раз в том, чтобы уйти от однозначных формул и генерализирующих схем, увидеть

многообразии миграционных ситуаций в прошлом и настоящем, многовекторность тенденций, действие самых различных акторов и факторов, т.е. осмыслить миграцию как всепроникающий и неоднозначный, имеющий множество причин и последствий процесс.